

В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев

ЗАЩИТА ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

3-е издание, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по юридическим направлениям*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 343.13(075.8)

ББК 67.411я73

Л17

Авторы:

Лазарева Валентина Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева;

Иванов Вячеслав Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (параграф 2.2 и гл. 5 в соавт. с В. А. Лазаревой);

Утарбаев Артур Кожикеевич — кандидат юридических наук (гл. 1, параграфы 4.3 и 4.4 в соавт. с В. А. Лазаревой).

Рецензенты:

Колоколов Н. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российского государственного торгово-экономического университета;

Еникеев З. Д. — доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Лазарева, В. А.

Л17

Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 233 с. — Серия : Бакалавр и магистр. Модуль.

ISBN 978-5-9916-9999-0

В учебном пособии содержится анализ уголовно-процессуального права России как совокупности правовых средств защиты прав и свобод человека и гражданина. С этих позиций анализируются назначение и принципы уголовного судопроизводства и те процессуальные институты, которые в наибольшей степени выражают охранительную сущность уголовно-процессуального права. Детальному анализу подвергнуты гарантии права на получение квалифицированной юридической помощи и права на защиту, рассмотрены формы реализации права на судебную защиту на всех этапах уголовного процесса. Показаны проблемы реализации конституционных положений о неприкосновенности личности, ее основных прав и свобод в правоприменительной деятельности.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования.

Для студентов, обучающихся по юридическим направлениям, а также аспирантов и преподавателей юридических вузов; представляет интерес для следователей, прокуроров, адвокатов и судей.

УДК 343.13(075.8)

ББК 67.411я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

© Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К., 2011

© Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К., 2016,
с изменениями

© ООО «Издательство Юрайт», 2017

ISBN 978-5-9916-9999-0

Оглавление

Принятые сокращения.....	5
Введение.....	6
Глава 1. Реализация конституционных положений о правах и свободах личности в назначении и принципах уголовного процесса.....	9
1.1. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина	9
1.2. Понятие принципов уголовного судопроизводства и их значение для обеспечения прав и свобод личности	22
1.3. Конституционные права и свободы личности как объект защиты в уголовном процессе	31
1.4. Основания ограничения конституционных прав и свобод личности	45
<i>Контрольные вопросы</i>	<i>52</i>
Глава 2. Процессуальный статус как основа обеспечения прав личности	53
2.1. Понятие участника уголовного процесса. Процессуальный статус. Процессуальные гарантии	53
2.2. Основания и порядок наделения лица статусом потерпевшего. Проблемы участия потерпевшего в уголовном процессе	56
2.3. Проблемы обеспечения прав подозреваемого. Основания и порядок наделения лица статусом подозреваемого. Правило Маслова	68
2.4. Основания и порядок наделения лица статусом обвиняемого. Проблемы обеспечения прав обвиняемого	78
2.5. Обеспечение прав иных участников уголовного процесса	92
<i>Контрольные вопросы</i>	<i>98</i>
Глава 3. Право на квалифицированную юридическую помощь как гарантия прав и свобод участников уголовного судопроизводства.....	99
3.1. Право на квалифицированную юридическую помощь как гарантия права обвиняемого на защиту	99
3.2. Лица, допускаемые к участию в деле в качестве защитников. Порядок допуска защитника к участию в деле. Полномочия защитника	105
3.3. Адвокат — представитель потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. Адвокат свидетеля	115
3.4. Гарантии адвокатской деятельности.....	122
<i>Контрольные вопросы</i>	<i>129</i>

Глава 4. Судебный контроль как форма судебной защиты конституционных прав и свобод участников уголовного процесса	130
4.1. Право на судебную защиту в системе конституционных гарантий прав и свобод личности. Сущность и значение судебного контроля в досудебном производстве	130
4.2. Рассмотрение судом жалоб участников уголовного процесса на нарушения их прав и свобод в досудебном производстве	140
4.3. Рассмотрение судом ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу	154
4.4. Особенности рассмотрения судом ходатайств о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности	168
<i>Контрольные вопросы</i>	177
Глава 5. Иные гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве	178
5.1. Право на информацию и проблемы его реализации участниками уголовного процесса	178
5.2. Право на обжалование судебных решений	188
5.3. Право участников уголовного судопроизводства на безопасность	197
5.4. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства	204
5.5. Право на реабилитацию	218
<i>Контрольные вопросы</i>	229
Список литературы	230

Принятые сокращения

Конституция — Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)

ГК — Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая — Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая — Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ; часть третья — Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ; часть четвертая — Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ

ГПК — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации — Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ

УК — Уголовный кодекс Российской Федерации — Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ

УПК — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации — Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ

УПК РСФСР — Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: принят Верховным Советом РСФСР 27.10.1960

г. — год(-ы), город(-а)

гл. — глава(-ы)

п. — пункт(-ы)

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ЕСПЧ — Европейский Суд по правам человека

Введение

Проблема защиты основных прав и свобод человека, в том числе от необоснованного ограничения их в ходе производства по уголовному делу, является одной из актуальных и фундаментальных проблем современной правовой теории и практики. Актуализация этой проблемы на современном этапе исторического развития нашей страны обусловлена кардинальным обновлением уголовно-процессуального законодательства, к основным вехам которого следует отнести принятие в 1993 г. Конституции и в 2001 г. УПК.

С принятием нового УПК, воплотившего в себе основные идеи судебной реформы, были связаны самые смелые надежды на коренное преобразование уголовного процесса, построенного на идеологии приоритета прав человека. Эта идеология выражена в системе назначения и принципов уголовного судопроизводства, которые определяют существенные черты всей уголовно-процессуальной деятельности, проникают в каждую норму уголовно-процессуального права, придавая ей гуманистический смысл.

Однако реальное состояние практики уголовного судопроизводства все еще далеко от его нормативной модели. Новизна многих правовых институтов, незавершенность процесса их становления, несовершенство процессуальных норм, дефекты правосознания судей и следователей, приобретенные за годы, когда они были включены в одну систему, перед которой ставилась единая задача — искоренение преступности, препятствуют эффективной реализации УПК как закона нового, охранительного типа. Складывающаяся практика применения УПК поставила под сомнение эффективность судебного контроля, многих процедурных гарантий, призванных обеспечить законность процессуальных действий и защитить личность от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. Так, практически нормой стала практика участия в обысках, выемках, осмотрах «штатных» понятых из числа практикантов, помощников и других «зависимых» от следователя лиц. Не более, чем благим пожеланием, осталась такая важная гарантия, как право обыскиваемого лица на присутствие при обыске адвоката. Широко распространилась практика так называемого «ознакомительного» контроля переговоров путем истребования у операторов связи сведений о телефонных переговорах не конкретного абонента, а всех, кто выходил в эфир в определенное время и в определенном месте. Участие защитника в производстве процессуальных действий активно используется как средство закрепления признания обвиняемым своей вины.

Проблема ограничения и защиты от необоснованного ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе подробно исследова-

лась многими учеными-процессуалистами. Значительный вклад в ее разработку внесли Л. Б. Алексеева, З. Д. Еникеев, С. П. Ефимичев, Ф. М. Кудин, Н. А. Колоколов, В. М. Корнуков, А. М. Ларин, Ю. Д. Лившиц, Е. А. Лукашева, П. А. Лупинская, В. А. Михайлов, И. Б. Михайловская, И. Л. Петрухин, В. И. Руднев, Ф. М. Рудинский, А. В. Смирнов, И. В. Смолькова, Ю. И. Стецовский, М. С. Строгович, А. А. Тарасов, А. А. Чувилев, В. С. Шадрин, С. А. Шейфер, С. П. Щерба, П. С. Элькинд и многие другие авторы, посвятившие вопросам защиты прав личности свои монографии и диссертации. Однако в науке еще много не разрешенных проблем теоретико-правового характера. В частности, неоднозначным остается понимание сущности ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе, оснований и меры такого ограничения, что порождает соответствующие трудности в теоретическом и законодательном уточнении целей, оснований и мотивов производства следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права личности. Не менее актуальны вопросы обеспечения права обвиняемого на защиту, права участников уголовного процесса на получение квалифицированной юридической помощи, на безопасность. Все еще нуждается в изучении сущность судебной защиты и связанные с ней особенности судебно-контрольных процедур. Не перестают обсуждаться проблемы прокурорского надзора и судебного контроля за соблюдением прав участников уголовного процесса на всех этапах уголовного судопроизводства, включая стадии пересмотра судебных решений. Необходимостью привлечения внимания к этим актуальным вопросам уголовно-процессуальной теории, потребностью осмысления непрекращающегося внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство и обусловлено настоящее издание.

Настоящее учебное пособие представляет собой развернутый учебный курс по дисциплине «Защита прав личности в уголовном процессе». Особенно полезным оно будет для студентов юридических факультетов и вузов, интересующихся обозначенной проблематикой.

По итогам изучения учебной дисциплины студент должен:

знать международно-правовые, конституционные и отраслевые гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве и формы их реализации; понятие и классификацию полномочий участников уголовно-процессуальной деятельности; обязанности государственных органов и должностных лиц по обеспечению реализации гарантированных прав участников уголовного судопроизводства на различных стадиях производства по делу; особенности процессуального положения участников судопроизводства, имеющих в деле личный и представляемый интерес;

понимать роль и значение прав личности в системе уголовно-процессуальных отношений; основные проблемы, возникающие в правоприменительной практике; видеть взаимосвязь уголовного процесса с другими отраслями российского законодательства; социальную значимость своей профессии и понимать последствия решений, принимаемых в ходе производства по уголовным делам;

уметь применять полученные теоретические и правовые знания в ходе выполнения процессуальных функций; анализировать и объяснять нормы

уголовно-процессуального права; логически и юридически грамотно обосновывать и отстаивать свою правовую позицию, аргументированно опровергать доводы оппонентов; самостоятельно находить способы разрешения проблемных ситуаций, дополнительные аргументы для обоснования решения, нормативные акты и опубликованные решения Верховного и Конституционного судов РФ, ЕСПЧ; соблюдать права и законные интересы участников уголовного процесса;

владеть навыками принятия решений по конкретному делу, руководствуясь принципами, закрепленными в Конституции и отраслевом законодательстве, и исходить из того, что вся уголовно-процессуальная деятельность подчинена цели, провозглашенной в ст. 2 Конституции; составления обоснованных процессуальных документов, аргументированного публичного выступления по спорным вопросам защиты прав личности в уголовном процессе.

Глава 1

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРАВАХ И СВОБОДАХ ЛИЧНОСТИ В НАЗНАЧЕНИИ И ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В результате изучения главы 1 студент должен:

- **знать** соотношение и взаимодействие конституционных и отраслевых уголовно-процессуальных основ правового положения личности; взаимосвязь назначения, целей, задач и принципов уголовного судопроизводства; основные гарантии соблюдения прав личности и основания к ограничению прав;
 - **уметь** квалифицированно толковать нормативные правовые акты; видеть взаимосвязь российского уголовного процесса с другими отраслями отечественного законодательства и нормами международного права; при отсутствии законодательного регулирования либо при коллизии норм применять принципы процесса и нормы, в наибольшей степени обеспечивающие защиту прав личности;
 - **владеть** навыками принятия решений по конкретному делу, руководствуясь принципами, закрепленными в Конституции и отраслевом законодательстве, и исходить из того, что вся уголовно-процессуальная деятельность подчинена цели, провозглашенной в ст. 2 Конституции.
-

1.1. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина

Согласно ст. 1 Конституции Российская Федерация есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Системообразующим признаком правового государства является обеспечение верховенства права, незыблемость основных прав и свобод человека, охрана не противоправных интересов личности, взаимная ответственность государства и граждан, защита общества от произвола властей¹. Права человека определяют степень свободы личности и служат средством ограничения государственной власти. В полном соответствии с идеалами правового государства Конституция (ст. 2) провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Стремление России к общепризнанным мировым стандартам в области прав человека выражено и в ст. 17 Конституции: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 6.

согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». Конституция признает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Единственным ограничением осуществления прав и свобод является требование не нарушать права и свободы других лиц. Согласно ст. 18 Конституции права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Приведенные конституционные положения о ценности человеческой личности, неотъемлемости ее прав и свобод позволяют правильно понять задачи уголовного судопроизводства и оценить содержащиеся в уголовно-процессуальном законодательстве правила об обязанностях дознавателя, следователя, прокурора и суда по обеспечению прав и интересов участников уголовного судопроизводства как составную часть обязанностей и ответственности государства перед человеком. Государство не дарует человеку права и свободы, а признает их и обеспечивает возможность реализации, в том числе и при производстве по уголовному делу.

Реализуя свое право на наказание лица, преступившего уголовный закон, государство, стремящееся к легитимности, озабочено меткостью своей репрессии, поэтому оно устанавливает правила производства по уголовному делу таким образом, чтобы применяющие их должностные лица не допустили ошибки. Сосредоточив у себя, по выражению И. Я. Фойницкого, «право суда»¹ над человеком, государственная власть приняла на себя и заботу о человеке. Уголовное судопроизводство как функционирующая в государстве система осуществляется в соответствии с общим политическим строем государства, а его принципы тесно связаны с общими началами государственного устройства и характеризуют степень его цивилизованности. В центре уголовно-процессуальной деятельности находится обвиняемый, на изобличение которого направлены все усилия органов предварительного расследования, сопровождающиеся ограничением его прав и свобод. Поэтому процессуальный статус обвиняемого, степень его защищенности от необоснованного обвинения и ограничения его прав — «пробный камень гуманности политического режима»², который правдиво отражает истинный тип как самого государства, так и его правовой системы. Устанавливая правила производства по уголовному делу, любое (демократическое) государство создает систему гарантий для обвиняемого, и «чем свободнее личность в государстве, тем полноправнее обвиняемый в уголовном процессе»³.

Уголовно-процессуальная деятельность имеет публично-правовой характер, поскольку преступление посягает на охраняемые публичным правом ценности — права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации, мир и без-

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 8.

² Ларин А. М. Презумпция невиновности. М., 1982. С. 62.

³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 13.

опасность человечества (ст. 2 УК). Обеспечивая реализацию уголовного закона, уголовный процесс, содержание которого составляет деятельность государственных органов по расследованию, рассмотрению и разрешению дел о преступлениях, объективно служит средством защиты этих ценностей. Однако расстановка приоритетов в разные периоды существования нашего государства была неодинакова.

В соответствии со ст. 2 УПК РСФСР задачами советского уголовного судопроизводства считались быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы ни один виновный не избежал ответственности и наказания и ни один невиновный не был необоснованно привлечен к уголовной ответственности и осужден. Уголовное судопроизводство должно было также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения законов и правил человеческого общежития.

Именно эта формулировка, «просуществовавшая несколько десятилетий, совершенно закономерно породила представление о том, что интегративной целью всех компонентов системы уголовной юстиции является борьба с преступностью»¹. Поскольку уголовное судопроизводство предназначено для защиты общества и государства от преступных проявлений, в каждом случае обнаружения признаков преступления суд, прокурор, следователь, орган дознания обязаны возбудить уголовное дело и принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (ст. 3 УПК РСФСР). «Именно таким образом, — отмечал М. С. Строгович, — обеспечивается успешность борьбы с преступностью»².

Исторический опыт показывает, что «функциональная направленность уголовного судопроизводства на обеспечение эффективной борьбы с преступностью не церемонится в выборе средств: важные или менее важные — все они хороши для достижения поставленных целей. А если так, то на благодатной теоретической почве неминуемо взойдут ростки пренебрежения правами человека, игнорирования его интересов, сформируются практические установки, позволяющие относиться к личности не как к равноправному субъекту уголовно-процессуальной деятельности, а как к объекту исследования со всеми вытекающими из подобного признания последствиями»³.

Нельзя сказать, что соблюдение прав участников уголовного судопроизводства не признавалось в советском обществе одной из важнейших задач следователя, прокурора и суда. Они обязаны были обеспечить подозреваемому (обвиняемому) возможность защищаться предусмотренными

¹ Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 30—31.

² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 42.

³ Касаткина С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе : монография. Ставрополь, 2006. С. 17.

законом средствами и способами, а также охрану их личных и имущественных прав (ст. 19 УПК РСФСР), разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность их осуществления (ст. 58 УПК РСФСР). УПК РСФСР закреплял в качестве принципов уголовного процесса гласность судебного разбирательства (ст. 18), неприкосновенность личности, жилища, охрану личной жизни и тайны переписки (ст. 11, 12), равенство прав граждан перед законом и судом (ст. 14). Однако взгляд на уголовный процесс как на «своеобразное орудие борьбы с преступностью позволял рассматривать скорейшее изобличение преступника как гораздо более значимую ценность, чем обеспечение прав гражданина, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальной деятельности»¹. Соблюдение и защита прав подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства рассматривались не в качестве самостоятельной задачи, а лишь как условия, обеспечивающие решение задачи «раскрытия каждого преступления и изобличения преступника, неотвратимость и справедливость воздаяния за каждое совершенное преступление»². Превращенное в политическое орудие уголовное судопроизводство служило государству, власти, но отнюдь не обществу.

Общая либерализация и гуманизация общественной жизни, теоретическое переосмысление положения человека в обществе, его взаимоотношений с государственной властью не могли не повлиять на наши представления о характере уголовного судопроизводства, его назначении и принципах. «Очевидно, — пишет П. А. Лупинская, — что стратегия развития уголовного судопроизводства, исходя из его “высокого политического значения”, должна быть направлена главным образом на усиление гарантий прав личности: будь то подозреваемый (обвиняемый), потерпевший или иное лицо, чьи права и интересы затронуты при проведении расследования или судебного разбирательства»³.

УПК, отказавшись от использования понятий «цель» и «задача», гласит, что «уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Закрепление в качестве назначения уголовного судопроизводства защиты прав и законных интересов личности, в том числе и от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, и обусловленное этим изменение системы принципов уголовного судопроизводства,

¹ Касаткина С. А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе : монография. С. 16.

² Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 2002. Кн. 2: Продолжение реформ. С. 27.

³ Лупинская П. А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства // LEX RUSSICA : науч. тр. МГЮА. 2008. № 2. С. 283.

как точно замечает И. Б. Михайловская, «лишает нормативной почвы тезис о борьбе с преступностью как цели процессуальной регламентации функционирования уголовной юстиции»¹ и позволяет утверждать, что в России формируется уголовный процесс нового, охранительного типа².

Тем не менее приверженность научной юридической общественности догматам советского уголовно-процессуального права оказалась столь велика, что вопрос о том, какие ценности защищает данная отрасль права, и сегодня еще далеко не бесспорен.

Реакция научных кругов на требуемые временем перемены в уголовно-процессуальном законодательстве далеко неоднозначна. В теории отчетливо проявилось противостояние двух тенденций. Согласно одной из них «уголовно-процессуальное законодательство нуждается в “чистке” на предмет устранения гипертрофированного публичного интереса»³, «в установлении законодательной властью четких оснований для любого ограничения свободы личности»⁴ и требует полного воплощения конституционных ценностей в уголовно-процессуальном законодательстве, ориентирования правоприменительной практики на всемерную охрану прав личности, может быть, даже за счет «сдачи позиций» в борьбе с преступностью. Другая — демонстрируя парадигмальную инерцию, призывает к «необходимости пересмотра гипертрофированного значения индивидуалистических политико-правовых ценностей», критикует «индивидуалистические теоретические конструкции примата прав человека над любой социальной общностью, доминирования гражданского общества над государством»⁵ и требует сохранения или даже усиления публичных начал в уголовном судопроизводстве, ориентирования правоприменительной практики на борьбу с преступностью путем «ужесточения» репрессивных мер и методов.

«Основная задача любого уголовного судопроизводства — это раскрытие преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении, а также установление истины по делу и принятие на этой основе правильного и справедливого решения»⁶, — утверждают А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. «Цели уголовного процесса — привлечение к уголовной ответственности виновных, назначение им справедливого наказания, возмещение ущерба потерпевшему...» — настаивает Ю. К. Орлов⁷. «Примат интересов отдельной личности над социальными — не более, чем химера, иллюзия, утешительный самообман, самомнение и притязание челове-

¹ Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). С. 33.

² См.: Лазарева В. А. Судебная власть и уголовное судопроизводство // Государство и право. 2000. № 5. С. 53—54.

³ Петрухин И. Л. Публичность и диспозитивность // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 25.

⁴ Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 36.

⁵ Поляков А. В., Тимошина Е. В., Ромашов Р. А. Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и решения // Правоведение. 2000. № 3. С. 5.

⁶ Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 24.

⁷ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 14.

ческого разума... Никогда права отдельного человека не были и никогда не будут высшей ценностью»¹. Для авторов, имеющих такие взгляды, ст. 2 УПК РСФСР представляется «абсолютно адекватной потребностям практики борьбы с преступностью», в связи с чем «метаморфозы, произошедшие с формулировкой целей уголовного судопроизводства», вызывают у них удивление². Преступления необходимо раскрывать, лиц, виновных в их совершении, — изобличать. Такая задача не может не быть, по их мнению, первоосновой уголовного судопроизводства, так как она «порождено необходимостью борьбы с преступлениями, а значит и с преступностью в целом предусмотренными законом способами»³.

Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что определенная (и, надо честно признать, значительная) часть научного сообщества не принимает выраженной в ст. 6 УПК новой концепции уголовного судопроизводства, а следовательно, и обусловленных ею общих и вытекающих из них частных правил. Поэтому представляется чрезвычайно важным понять, почему в ст. 2 УПК РСФСР предпочтение было отдано раскрытию преступлений и неотвратимости уголовной ответственности, а в ст. 6 УПК — защите прав и свобод личности.

Начнем с того, что предписания ст. 2 УПК РСФСР одновременно требовали решения двух противоречащих друг другу задач: с одной стороны, добиться быстрого и полного раскрытия преступлений с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию, а с другой — осуществить это так, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Для определения приоритетной задачи необходим был выход за пределы системы уголовного процесса, обращение к цели, которая обладала бы более высокой иерархической значимостью и подчиняла себе все частные цели. Исходя из представлений о роли и предназначении государства, взаимодействии государства и личности в социалистическом обществе, выбор из двух задач был сделан в пользу борьбы с преступностью, которая, безусловно, доминировала в советском уголовном судопроизводстве, определяя его сущность и содержание принципов, стадий, институтов и норм уголовно-процессуального права. Законодатель не стал задумываться над тем, как можно, не ослабив процессуальные гарантии прав личности, закрепить в законодательстве достаточно жесткие меры и методы борьбы с преступностью. По тем же причинам в науке доминировал, да и сейчас, как показано выше, многими поддерживается, взгляд на уголовный процесс как на средство борьбы с преступностью. Тот очевидный факт, что борьба с преступностью путем «ужесточения» репрессий неизбежно происходит за счет ограничения прав обвиняемого, законодателем и наукой попро-

¹ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. С. 7.

² Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. Омск, 2006. С. 12–13.

³ Соловьев А. Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М., 2006. С. 143.

сту игнорировался. Для оправдания явно доминирующей «репрессивной» стороны процесса была выдумана теоретическая конструкция, согласно которой якобы выраженные в целях и принципах уголовного процесса интересы социалистического государства — борьба с преступностью — гармонически сочетаются с законными интересами личности, а в целом, процессуальная форма обеспечивает «как успешное осуществление интересов борьбы с преступностью, так и ограждение прав и законных интересов личности»¹. Однако соотнесение этой простой теоретической схемы с реальными общественными отношениями между публичной властью и обвиняемым показывало, что «законные» интересы последнего вовсе не совпадают с интересами государства. Сам «обвиняемый» с сомнением относился к такому «гармоническому взаимоотношению» с государством, злоупотребляя правом на защиту, затягивая процесс, утаивая от следствия и суда свою вину. Правда, и этому находилось объяснение в науке. Пытаясь подогнать объективные реалии общественной жизни под простую теоретическую схему, авторы отказывали интересам частных лиц в легитимности, если последние противоречили публичным интересам. Законными признавались лишь такие интересы обвиняемого, которые совпадали с задачами уголовного судопроизводства или могли быть удовлетворены не в ущерб общественным. Таким образом, при помощи тезиса о непротиворечивости интересов личности и государства снимался вопрос о поиске баланса между ними при формировании системы уголовно-процессуальных институтов.

История доказала, что тезис о непротиворечивости интересов личности и государства, их гармоническом сочетании — идеологический миф, фикция². Даже на «обывательском» уровне совершенно очевидно, что далеко не каждый злоумышленник стремится к самопожертвованию во имя публичных интересов. «Подсудимого и защитника вполне устраивает ситуация, когда преступление не раскрыто, истина не установлена...»³ Тем

¹ Якуб М. Л. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 20.

² Следует сказать, что этот миф также имел под собой определенное, но опять же мифическое основание — тезис о «общенародной собственности на средства производства», который и послужил причиной для опубликования, огосударствления всех сторон общественной жизни. «Гармоническое советское общество, лишенное всяких социальных противоречий» — мифическое следствие мифической общенародной собственности на средства производства. На самом деле в СССР имело место отнюдь не тотальное обобществление средств производства, а их тотальная национализация. Собственностью распоряжался вовсе не класс рабочих и крестьян, а класс коммунистической партократии. Ведь собственник, по определению, это тот личностный или коллективный субъект, который свободно распоряжается собственностью, принимает по ее поводу ответственные решения, идет на риск и т.д. Такими полномочиями обладала только партократия на вершине советской командно-административной системы, власть. «Монополизация собственности является важнейшей и необходимой предпосылкой монополизации власти. Уничтожив сам институт частной собственности и искоренив слабые ростки демократии и гражданского общества, государство превратилось в неограниченного властелина над жизнью и смертью каждого из своих поданных». См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). С. 15.

³ Петрухин И. Л. О реформе уголовного судопроизводства // Судебная реформа: проблема и перспективы. М., 2001. С. 115.

не менее логические пассажи о соотношении публичных и личных интересов как общего и особенного¹, где публичные интересы выражают сущностную основу личных и, следовательно, являются приоритетными², действовали заволаживающе и приписывались объективным общественным отношениям. Но можно ли говорить о «гармоническом сочетании» личных и публичных интересов, если первые подчинялись вторым? Господствующее положение публичного интереса над частным — закономерность при классовом подходе к институтам государства и права, правам личности. Идея о том, что «государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса»³, «машина для поддержания господства одного класса на другим»⁴, а право — возведенная в закон воля господствующего класса — придавала публичным интересам, понимаемым как интересы господствующего класса, значение абсолютных. При таком подходе публичный интерес отождествляется с интересами власти, которая не имеет каких-либо социальных ограничителей в виде незыблемых прав личности, а все институты государства и права строятся так, чтобы государству было легче достигать своих целей.

Господство государства над личностью выражалось в этатической трактовке прав человека, суть которой заключается в том, что «власти как бы даруют гражданам некоторые права и свободы. В такой социальной системе человек превращается в средство достижения целей, выгодных и удобных власти»⁵, которая вправе устанавливать пределы дарованных прав или вовсе лишить личность этого дара, если последняя использует свои права эгоистично, не ради достижения поставленных целей. «В социалистическом обществе, — писал Н. В. Витрук, — открыто утверждается социально-классовый смысл прав и свобод граждан, поэтому в законе четко определяются границы (пределы) прав и свобод, что имеет целью обеспечить гармоническое сочетание в их содержании общественных и личных интересов»⁶. Этатическая трактовка прав человека, подчеркивающая их государственный, а не естественный характер, позволяла государству вмешиваться в реализацию прав личности, устанавливая их пределы, с тем чтобы «гармонически» втиснуть их в рамки общественного интереса. «Отношение к правам человека как к “дару государства”, — отмечает И. В. Смолькова, — вытекает из тоталитарного режима и порождает пренебрежительное отношение к ним со стороны властей»⁷.

¹ Айзикович А. С. Важная социологическая проблема // Вопросы философии. 1965. № 11. С. 67.

² Свердлых Г. А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. Свердловск, 1980. С. 49—51.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1958—1965. Т. 33. С. 24.

⁴ Там же. Т. 39. С. 73.

⁵ Петрухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. № 10. 1999. С. 8.

⁶ Витрук Н. В. Общая характеристика конституционных прав, свобод и обязанностей граждан СССР // Социализм и личность. М., 1979. С. 12.

⁷ Смолькова И. В. Защита тайн частной жизни уголовно-процессуальном законом // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. Н. Новгород, 1999. Ч. 2. С. 147.

В советской науке, хотя и в меньшинстве, но были и другие взгляды на соотношение личных и общественных интересов. Так, М. С. Строгович неизменно утверждал, что гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, в том числе и обвиняемого, гуманистические принципы и институты судопроизводства не противоречат интересам правосудия, а полностью им соответствуют¹. «С точки зрения интересов общества, гораздо важнее обеспечить прочную правовую охрану всем честным гражданам от необоснованного привлечения их к ответственности и осуждения, от необоснованного применения к ним мер процессуального принуждения. Для достижения этой цели, являющейся неотъемлемым элементом демократии, можно, по нашему мнению, мириться с возможностью единичных случаев, когда преступник уйдет от заслуженного наказания», — писала В. И. Каминская². В то время ее мнение было подвергнуто резкой критике: «никакими соображениями, например, в том числе заботой об охране прав и интересов личности от неосновательного привлечения и осуждения, нельзя оправдать нераскрытое преступление, не обнаружение виновного или его неосновательное оправдание»³. И хотя поставленная перед советским уголовным процессом задача, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию, была заведомо невыполнима, его нацеленность на охрану интересов общества, укрепление законности и правопорядка, предупреждение и искоренение преступлений позволяла оправдывать карательный, по своей сути, характер уголовного судопроизводства. Ввиду отсутствия в советском уголовном процессе состязательности за достижение предусмотренных ст. 2 УПК РСФСР целей и задач в равной мере были ответственны и суд, и органы уголовного преследования⁴. Право обвиняемого на получение юридической помощи и профессиональную защиту ограничивалось стадией судебного разбирательства, так как допуск адвоката в предварительное расследование тормозил решение задачи быстрого и полного раскрытия преступления и изобличения виновного.

Известные политические и общественные перемены конца 1980-х — начала 1990-х гг. привели к демифологизации объективных реалий общественной жизни, а вместе с тем к смещению координат в системе ценностей от безусловного подчинения личных интересов публичным до провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2 Конституции). Если прежде государство «наделяло» человека правами и свободами,

¹ Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В. М. Савицкого. М., 1981. С. 322; *Строгович М. С.* О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // *Строгович М. С.* Избр. тр. : в 3 т. М., 1992. Т. 2. С. 228.

² *Каминская В. И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 34–35.

³ *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 43.

⁴ Даже сегодня нередки высказывания о том, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания — наиболее злободневная цель всей системы уголовной юстиции. См.: *Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М.* Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. С. 13.

то теперь Конституция признает, что права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17), что позволяет говорить о естественном характере прав и свобод, как существующих объективно, а не по воле законодателя. «Антиэтатический смысл данной конструкции очевиден, — пишет В. С. Нерсисянц, — основные права и свободы принадлежат каждому по безусловному естественному основанию (в силу природного факта рождения), а не в зависимости от диктуемых государством условий, не по усмотрению, воле и решению властей. Определенная стилизация под естественное право призвана здесь продемонстрировать исходную и безусловную свободу, правомочность и правосубъектность любого индивида в его отношениях со всеми остальными — государством, обществом, другими индивидами»¹.

Уголовно-процессуальная теория неспешно, но все-таки отреагировала на изменившуюся ситуацию. В литературе появились публикации с требованием преобразования уголовно-процессуального законодательства в соответствии с Конституцией, создания качественно нового уголовного процесса «охранительного типа, призванного быть гарантом от произвола карательных органов»². «Пороки нынешнего УПК, — писал В. М. Савицкий, — стали особенно очевидны, когда известные политические перемены дали возможность отбросить идеологические споры и оценить реальное положение дел в правосудии с позиций незыблемых общечеловеческих ценностей и приоритетов... Должен быть создан новый закон, построенный на идеологии безусловного приоритета прав человека...»³

Демократические процессы, происходящие в нашем обществе в течение последних десятилетий, постепенное изменение общественного сознания⁴ и восстановление признанных во всем мире ценностей — жизни, свободы, достоинства личности — вызвали не только стремление к преодолению ориентации правоохранительной деятельности на предпочтительную защиту публичного интереса⁵, но и переосмысление самого понятия «публичные интересы».

Этимология слова «публичность» (от лат. *publicus* — общественный; народный и *publicum* — государство; государственное имущество), проис-

¹ Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 375—376.

² Шадрин В. С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование // Государство и право. 1994. № 4. С. 96.

³ Савицкий В. М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право. 1994. № 6. С. 96—97.

⁴ Символичен в этом отношении оправдательный вердикт московских присяжных по делу об убийстве Анны Политковской, постановленный 19 февраля 2009 г. Совещаясь менее двух часов, присяжные единодушно пришли к выводу о недоказанности совершения подсудимыми преступления, абстрагировавшись от его общественного резонанса и национальности (чеченской) обвиняемых. Символично и то, что в отличие от других ситуаций, когда присяжные выносили оправдательные вердикты, представители потерпевшей стороны высказались в средствах массовой информации (новостных программах ТВ) не за отмену оправдательного приговора, а за то, «чтобы был найден настоящий убийца».

⁵ Шейфер С. А., Петрова Н. Е. Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Государство и право. 1999. № 6. С. 51.

ходящего от *populicus*, суффиксального производного от *populous* (народ), позволила лингвистам выделить два значения этого термина: 1) открытый, принародный (этот аспект публичности нашел свое выражение в принципе гласности) и 2) общественный, т.е. не частный, всей гражданской общине принадлежащий¹. В публичности уголовного процесса (во втором значении) заложено его служение не государству, а обществу. «Огосударствление» публичности привело к подмене «общественности» (или «социальности») «официальностью», т.е. обязанностью осуществлять уголовное судопроизводство в силу служебных полномочий (от лат. *ex officio* — в силу занимаемой должности), вследствие чего публичность стали понимать как принцип, «в соответствии с которым должностные лица и органы государства обязаны действовать от его имени и в его интересах»², совершать процессуальные действия и принимать процессуальные решения в силу возложенных на них должностных полномочий.

Между тем официальность уголовного судопроизводства — не принцип, а лишь характеристика регулируемых уголовно-процессуальным правом общественных отношений. Известно, что уголовный процесс — это средство реализации уголовного права; устанавливая наличие уголовно-правовых отношений, государство реализует свое право на наказание правонарушителя, поэтому объектом уголовно-процессуального регулирования является, прежде всего, деятельность государственных (официальных) органов и их должностных лиц. Однако официальность уголовно-процессуальной деятельности сама по себе не дает ответа на вопрос: какие ценности защищает уголовное судопроизводство?

Если рассматривать публичные интересы как общественные, становится ясно, что мысль об их большей важности, чем интересы конкретного человека, контрпродуктивна. Используя примененную Ю. К. Орловым метафору, заметим, что общество (как целостный организм) не только безжалостно ампутрует «любой орган, если он представляет опасность для организма в целом»³, но и заботится о каждом, даже самом мелком своем органе, особенно больном, бережет его, понимая, что болезнь этого органа опасна для всего организма. Радея о своем здоровье и безопасности, этот организм создает благоприятные условия для существования и развития каждой из своих клеток.

Диалектическое единство человека и общества неизбежно означает, что нарушение прав одного есть нарушение интересов всех, а защита прав каждого есть защита и общего интереса. Всенародно принятая Конституция провозглашает права и свободы личности высшей ценностью не вопреки и не во вред публичным (т.е. общественным) интересам. Стоящее на службе общества (согласно ст. 7 Конституции Российская Федерация — социаль-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978 (репринт изд. 1880—1884). Т. 3. С. 536; Ожегов С. И., Шведова Г. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. С. 631.

² Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. 1. С. 140.

³ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 15.

ное государство), получившее свою власть от народа (согласно ст. 3 Конституции народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти) государство не имеет какого-либо другого интереса, отличного от охраняемых законом интересов своих граждан. Любая деятельность государства, внешняя и внутренняя, мирная и военная, законодательная, исполнительная и судебная, имеет смысл лишь тогда, когда направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека. Организуя борьбу с правонарушениями, государство защищает не только общественные интересы, как таковые, но и интересы вполне конкретных членов общества. Представляется очевидным, что защита прав потерпевшего предполагает раскрытие преступления, установление виновного, взыскание с него причиненного ущерба, т.е. отчасти¹ решается путем защиты публичных (общих) интересов. Публичным интересам соответствует и отказ от уголовного преследования невиновных, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК).

Провозгласив приоритет личности и возложив на государство в лице его органов обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, Конституция фактически придала интересам личности статус публичных. В публикациях новейшего периода публичность все чаще рассматривается как обязанность уполномоченных государственных органов и должностных лиц не только «принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, виновных лиц и справедливому наказанию», но и «предотвратить неосновательное уголовное преследование или незаконное осуждение лиц»², а защита прав и законных интересов участвующих в деле лиц — как публично-правовая (официальная) обязанность государственных органов, «конструктивный элемент начала публичности»³.

И последнее замечание: тезис о борьбе с преступностью как цели уголовного процесса мог существовать лишь в условиях инквизиционного, т.е. не состязательного процесса. Невозможно и не нужно отрицать, что возбуждение и расследование уголовного дела, предпринимаемые в связи с совершением преступления, нацелены на раскрытие преступления, выявление и изобличение совершивших его лиц, и что уголовный процесс есть единственно возможный способ реализации уголовного закона. Однако процессуальная деятельность, направленная на выявление и изобличение лиц, совершивших преступление, согласно разъяснениям п. 55 ст. 5 УПК РФ, есть лишь одна грань, одна сторона уголовного судопроизводства,

¹ Отчасти, потому что защита прав потерпевшего от преступлений не сводится полностью к публичному интересу, в частности потерпевший может быть не заинтересован в осуждении и наказании злоумышленника. Его целью может служить исключительно возмещение причиненного ему деянием ущерба, что предполагает создание на предварительном следствии и суде благоприятных для этого условий, возможностей остановить процесс, когда конечная цель его обращения к органам расследования и суда достигнута.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 1998. С. 121–122.

³ Там же. С. 123.

выраженная понятием «уголовное преследование». Если результат уголовного преследования мы примем за цель уголовного процесса (уголовного судопроизводства), это будет означать, что уголовный процесс и есть уголовное преследование.

Однако сегодня вряд ли необходимо доказывать, что уголовный процесс не исчерпывается уголовным преследованием и не совпадает с ним. Органы уголовного преследования — дознаватель, следователь, прокурор — лишь часть функционирующих в уголовном судопроизводстве механизмов, представляющих результаты своего труда на объективный суд другого, независимого от них, самостоятельного органа, единственного правомочного принимать решение о признании лица виновным и назначении ему наказания. Говорить о том, что суд стремится к той же цели, что и органы уголовного преследования, значит отрицать не только идею разделения процессуальных функций и состязательность уголовного судопроизводства, но и независимость суда как органа самостоятельной (суверенной) судебной власти, т.е. посягать на конституционные основы Российского государства.

Мысль о том, что если бы уголовный процесс имел своей целью осуществление материального права на наказание, то законодатель ограничился бы наделением суда полномочиями, нужными лишь для репрессии, высказывалась и ранее. Однако если судебная власть «снабжена полномочиями, достаточными для того, чтобы она была в состоянии доставить действительную безопасность личной свободе против посягательств на нее не только со стороны частных лиц, но и со стороны лиц должностных»¹, это значит, что уголовный процесс — не средство борьбы с преступностью, а привилегия для граждан, сумма гарантий для обвиняемого от произвола государства². Эти идеи легли в основу концепции самоограничения государства, и как следствие, в основу нового УПК.

Подведем первые итоги. Уголовный процесс как вид государственной деятельности является средством (способом) реализации государственной функции защиты прав и свобод человека и гражданина. Осуществляемое в строгом соответствии с законом производство по уголовному делу обеспечивает защиту прав и свобод любого лица, ставшего участником уголовно-процессуальных отношений. Социальное назначение уголовного судопроизводства, как точно замечает И. Б. Михайловская, состоит в том, чтобы максимально снизить неизбежные отрицательные последствия применения уголовной репрессии³. «Сущность уголовно-процессуального права двуединая⁴, но по сравнению с уголовным правом преимущественное значение имеет та сторона этой двуединой сущности, которая гарантирует свободу граждан от злоупотребления государством своей репрессивной властью»⁵.

¹ Полянский Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции. М., 1911. С. 86.

² Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 31.

³ Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). С. 35.

⁴ Имеется в виду, что уголовно-процессуальное право, регулирующее деятельность государственных органов по расследованию преступления и рассмотрению уголовного дела в судебных инстанциях, объективно служит и задаче борьбы с преступностью. — *Примеч. авт.*

⁵ Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С. 45.

Обозначив, таким образом, социальное назначение уголовного судопроизводства, законодатель должен был существенно изменить состав и содержание принципов уголовно-процессуального права.

1.2. Понятие принципов уголовного судопроизводства и их значение для обеспечения прав и свобод личности

С категорией «принципы уголовного процесса» связаны давние научные дискуссии, участники которых высказывали самые разные мнения относительно сущности, содержания, генезиса, значения принципов процесса, их системы, атрибутов, которыми должны обладать принципы процесса и др. В обоснование каждой позиции по этой проблеме приводилось так много доводов и аргументов, что едва ли возможно проанализировать их все. Однако в этой массе суждений можно выделить два прочно утвердившихся в процессуальной науке подхода к исследованию принципов процесса.

Первое суждение связывает признание положения, претендующего на роль принципа процесса, лишь с его содержанием. Сторонники этого подхода исходят из того, что неперемненными атрибутами каждого принципа процесса являются социальная обусловленность и предельная универсальность (всеобщность) его содержания. Поэтому для выделения принципа процесса из массы предписаний, составляющих отрасль уголовно-процессуального права, необходим качественный подход: учет содержания составляющих предписаний и сопоставление этих предписаний по степеням их общности. Так, по мнению Т. Н. Добровольской, «для признания того или иного положения принципом права или принципом одной из его отраслей необходимо учитывать содержание этого положения, исследованное как с точки зрения его социальной обусловленности, так и с точки зрения внутренней логической связи между нормами закона»¹.

Отталкиваясь от анализа содержания и соотношения (логической связи) процессуальных норм, по мнению указанного автора, к числу принципов процесса могут быть отнесены лишь те положения, которые связаны общностью целей и задач, не противоречат друг другу и не выводимы друг из друга².

Многие теоретические положения, выработанные в рамках этого подхода, прочно утвердились в теории уголовного процесса: принципы — это наиболее общие правовые идеи, которые имеют фундаментальное значение для уголовного процесса; принципы являются носителями господствующих в данном обществе юридических ценностей; принципы образуют смысловой центр для понимания уголовно-процессуального закона и служат исходными посылками при формировании и истолковании его текста и др.

Вместе с тем в процессуальной литературе отмечают, что рассматриваемый подход методологически недостаточен для исследования принципов

¹ Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 17.

² Там же. С. 30—33.

процесса¹, ему не по силам дать этим принципам дедуктивное обоснование. В его рамках каждый принцип процесса обосновывается как бы сам по себе, автономно от других принципов и формы процесса в целом. Косвенно это признавала и сама Т. Н. Добровольская. «Как положения наибольшей степени общности в пределах данной дедуктивной системы, — писала она, — принципы процесса с логической точки зрения целиком недоказуемы в пределах самой этой системы. Для их обоснования надо выходить за пределы уголовного процесса, обращаясь к природе советского социалистического строя, к иерархии социальных ценностей, законам психологии и т.д. Но так как все эти явления лежат за пределами самого уголовного процесса, они не определяют место каждого процессуального принципа в системе уголовно-процессуального права»².

Недостатки рассматриваемого подхода сводили к минимуму его прикладное значение. Как оказалось, его невозможно провести строго алгоритмически, на чисто формальном уровне. «Признак “наибольшей общности”, как и социальной обусловленности, — пишет И. Б. Михайловская, — не мог дать более или менее четкого критерия для признания конкретной нормы или их совокупности принципом процесса. Не было критерия ни для определения степени общности, ни для выявления ее соответствия потребности общества, т.е. социальной обусловленности»³. Критерии же, предлагаемые в литературе, были мало пригодны для практического применения. Возможно, поэтому в литературе так существенно варьировался состав положений, относимых разными авторами к принципам процесса. Оптимальным для уголовного процесса называлось число принципов, равное 11⁴, 13⁵, 14⁶, 15⁷ и т.д., вплоть до 20. При этом свое видение системы принципов каждый автор обязательно сопровождал доводами об особой теоретической, юридической и практической значимости для уголовного процесса каждого из включенных в эту систему правил. Серьезное неудобство в практическом применении этого подхода создавало и традиционное для него правило о возможности экстрагирования (индуктивного выведения) принципа из некоего множества действующих частных норм, что нарушало одну из правовых аксиом — закон должен быть достаточно ясен и понятен.

¹ Подробнее об этом см.: *Ванеева Л. В.* К вопросу о теоретических и методологических основах исследования принципов уголовного судопроизводства // *Право и политика.* 2007. № 6. С. 117; *Михайловская И. Б.* Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). С. 112.

² *Добровольская Т. Н.* Принципы советского уголовного процесса. С. 17.

³ *Михайловская И. Б.* Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). С. 111.

⁴ *Кобликов А. С.* Принципы уголовного процесса // *Уголовный процесс Российской Федерации* / под ред. А. С. Кобликова. М., 1995. С. 27–43.

⁵ *Ульянова Л. Т.* Принципы уголовного процесса // *Уголовный процесс* / под общ. ред. К. Ф. Гуценко. М., 1996. С. 49–60.

⁶ *Быков В. М.* Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 года // *Российская юстиция.* 1994. № 8. С. 8–9.

⁷ *Громов Н. А., Николайченко В. В.* Принципы уголовного процесса, их понятие и система // *Государство и право.* 1997. № 7. С. 40.